

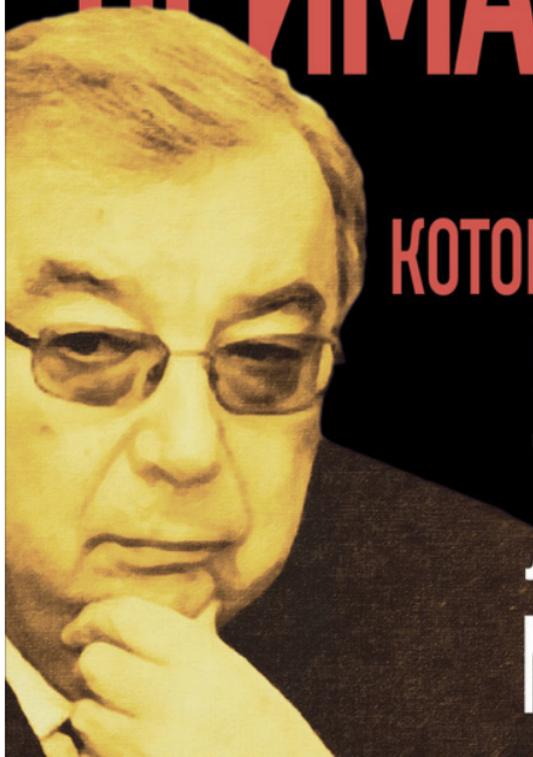

ГРОССМЕЙСТЕРЫ
ТАЙНОЙ ВОЙНЫ

ЕВГЕНИЙ ПРИМАКОВ

ЧЕЛОВЕК,
КОТОРЫЙ СПАС
РАЗВЕДКУ

ЛЕОНИД
МЛЕЧИН

Леонид Михайлович Млечин
Евгений Примаков. Человек,
который спас разведку
Серия «Гроссмейстеры тайной войны»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11774040

*Леонид Млечин. Евгений Примаков. Человек, который спас разведку: ТД
Алгоритм; Москва; 2015
ISBN 978-5-906798-33-6*

Аннотация

Академик Евгений Примаков – одна из самых ярких фигур российской политической жизни. Примаков был главой Службы внешней разведки, министром иностранных дел, председателем Совета министров. Невероятно популярный, он даже считался самым вероятным кандидатом в президенты страны.

В книге Леонида Млечина рассказывается о тайных миссиях Евгения Примакова на Ближнем Востоке. Это и встречи с лидером Народного фронта освобождения Палестины Жоржем Хабашем, прославившимся громкими терактами, и посредничество между лидером курдов Мустафой Барзани и правительством Ирака, и его неофициальные визиты в Израиль после разрыва дипломатических отношений СССР с этой

страной, и подготовка переговоров между Сирией и Ираком, между Египтом и Израилем.

Возглавив российскую разведку, Примаков не только воспрепятствовал ее вливанию в общую структуру госбезопасности, но и вернул элитной спецслужбе былую мощь, не только сформулировал новую доктрину, отменявшую борьбу с «мировым империализмом на всех фронтах» и сводившуюся к приоритету национальных интересов, но и модернизировал СВР, сделав основную ставку на аналитику.

Содержание

«Я готов подписать этот указ»	6
Секретные миссии на Ближнем Востоке	13
Смена караула	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

**Леонид Млечин
Евгений Примаков.
Человек, который
спас разведку**

© Млечин Л., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

«Я готов подписать этот указ»

В один из последних дней декабря 1991 года автомобиль президента России в сопровождении машин охраны выехал из Кремля и на большой скорости помчался на юго-запад столицы. Президента ждали в большом комплексе зданий, которые не нанесены на карту города и не имеют почтового адреса.

Борис Ельцин пожелал посетить разведывательный городок, расположившийся в столичной окраине Ясенево. Решалась судьба внешней разведки страны и ее нового начальника академика Евгения Максимовича Примакова.

Советский Союз еще не прекратил свое существование. Табличка с именем Михаила Сергеевича Горбачева висела на двери главного в Кремле кабинета, хотя власти у него почти не осталось. Людям трудно было себе представить, что через несколько дней повесят новую – «Президент Российской Федерации Борис Николаевич Ельцин». И не только у нас в стране, во всем мире с трудом будут привыкать к тому, что на политической карте больше нет такого государства – СССР, а появилось много новых республик.

Еще всем было не ясно – какой станет Россия? Как сложатся ее отношения с ближними и дальними соседями? Какие органы управления ей понадобятся? И нужна ли, в частности, внешняя разведка? Некоторые страны вполне без нее

обходятся и процветают. Помощники российского президента, молодые и динамичные, формировали органы государственного управления и подбирали в правительство новых людей. Старый аппарат собирались разгонять.

Формально существовал Российский республиканский комитет госбезопасности. Он появился 6 мая 1991 года, когда председатель КГБ Владимир Александрович Крючков и председатель Верховного Совета РСФСР России Ельцин подписали совместный протокол. Но дальше бумаги дело не пошло. В российском комитете служило несколько десятков человек, никакой власти у них не было, все областные управления по-прежнему подчинялись союзному КГБ.

Председателем российского КГБ стал произведенный в генерал-майоры Виктор Валентинович Иваненко, профессиональный чекист, до этого заместитель начальника инспекторского управления союзного комитета госбезопасности. Начальником разведывательного управления КГБ РСФСР утвердили генерал-майора Александра Титовича Голубева. В конце 1991 года теоретически генерал Иваненко и его коллеги рассчитывали принять под свое руководство союзные органы госбезопасности.

4 сентября последний председатель КГБ СССР Вадим Викторович Бакатин издал приказ, которым передал в подчинение российскому комитету все областные и краевые управления КГБ по России. За собой Бакатин оставил координацию работы республиканских комитетов.

26 ноября Ельцин подписал указ о преобразовании КГБ РСФСР в Агентство федеральной безопасности России. Его возглавил генерал Виктор Иваненко. Теперь уже шел раздел центрального аппарата госбезопасности. Иваненко достались наиболее жизнеспособные подразделения старого КГБ, включая службу наружного наблюдения и управление оперативной техники.

Но Иваненко, человек открытый и откровенный, оказался плохим царедворцем. Он не принадлежал к личной команде Ельцина. Его оттеснили очевидные фавориты Бориса Николаевича, которые в штыки встретили чужака. В результате Иваненко быстро потерял должность. Министром безопасности стал Виктор Павлович Баранников, милицейский генерал, который во время августовского путча активно поддержал Ельцина.

18 декабря 1991 года Ельцин подписал указ о создании самостоятельной российской Службы внешней разведки, которая выделялась из состава первого главного управления КГБ СССР. Начальник первого главка Примаков позвонил Борису Николаевичу и задал резонный вопрос:

– Кто будет осуществлять указ?

– Это не телефонный разговор. Приходите, поговорим.

Примаков приехал к президенту России, который еще сидел на Старой площади, а не в Кремле.

– Я вам доверяю, – сказал Ельцин, – пусть у вас не будет на этот счет сомнений, но в коллективе к вам относятся очень

по-разному.

Примакова задело, что Ельцину кто-то наговорил о плохом отношении к нему в разведке:

– Знаете, Борис Николаевич, если б вы сказали, что не доверяете, разговор, естественно, на этом бы и закончился. Ни главе государства не нужен такой руководитель разведки, которому он не верит, ни службе, да и мне самому это абсолютно не нужно. Но меня задело то, что вас информировали о плохом отношении ко мне в самой разведке. Признаюсь, я этого не чувствую, но нельзя исключить, что ошибаюсь.

– Хорошо, – согласился Ельцин, – я встречу с вашими заместителями.

Примаков предложил:

– Некоторых замов я уже сам назначил. Картина будет объективной, если вы встретитесь со всем руководством – это сорок-пятьдесят человек.

Ельцин столь же неожиданно согласился:

– Заезжайте завтра в десять утра и вместе поедем к вам в Ясенево.

Ясенево – московский район, куда в семидесятых годах перебралась с Лубянки внешняя разведка; здесь для нее построили целый городок.

Евгений Максимович Примаков тогда не знал, что Ельцин уже почти твердо решил назначить другого начальника разведки.

Академик Александр Николаевич Яковлев, недавний

член политбюро, участвовал в последней беседе Горбачева и Ельцина в декабре 1991 года, когда первый и последний президент СССР передавал дела первому президенту России. Воспользовавшись тем, что Горбачев на минуту вышел, Яковлев завел разговор о Примакове. Ему кто-то передал, что Ельцин собирается поставить во главе разведки своего человека. Яковлев прямо спросил об этом Ельцина. Тот неохотно ответил, что, по его сведениям, Примаков склонен к выпивке.

– Не больше, чем другие, – заметил Александр Николаевич. – По крайней мере, за последние тридцать лет я ни разу не видел его пьяным. Может быть, вам стоит съездить в разведку и посмотреть своими глазами?

Ельцин несколько удивленно посмотрел на Яковлева, но ничего не сказал. Видимо, он запомнил этот совет. Разговор о пристрастии Примакова к выпивке был всего лишь неуклюжим предлогом. Во-первых, в глазах Ельцина злоупотребление горячительными напитками никогда не было особым грехом. Во-вторых, он легко мог навести справки и убедиться в том, что Евгений Максимович, как человек, выросший в Тбилиси, любит застолье, но, как тбилисский человек, никогда не теряет голову...

В тот день в 10:40 утра в кабинете Примакова в Ясеново собрались руководители всех подразделений разведки. На них появление Ельцина произвело большое впечатление. Он был первым главой государства, который приехал в развед-

ку. Еще вполне здоровый, решительный и жизнерадостный Ельцин в своей привычной манере рубил фразы:

– Раз создается новая организация... А будем так считать... Раз страна другая... То заново должен быть назначен и директор разведки... А будет ли это Примаков... Или кто другой... Это вы сейчас должны решить сами... Одни говорят – Примаков на месте. Другие говорят – он некомпетентен, здесь нужен профессионал... Посоветуемся...

Борис Ельцин не скрывал того, что некоторые люди – из его окружения или имевшие к нему прямой доступ – считали, что Примакова нужно менять, он человек старой команды и плохо впишется в новую – и даже предлагали президенту другие кандидатуры. Но Ельцин, чье слово тогда на территории России было решающим, намеревался поступить демократично. Пусть сотрудники разведки сами скажут, какой начальник им нужен.

– Словом, вот как вы сейчас скажете... Так и будет, – прокотал Ельцин. – Прошу высказываться. Кто начнет?

Я спрашивал потом, что же было написано на лице Примакова в тот момент, когда Ельцин предложил его подчиненным решить судьбу своего начальника? Напряженность? Волнение? Фаталистическое спокойствие? Деланное равнодушие?

Говорят, что он держался очень достойно. К тому времени он проработал в разведке меньше трех месяцев. Горбачев-то ценил Примакова, но мнение бывшего президента те-

перь могло ему только повредить.

Взаимная нелюбовь бывшего первого президента СССР и первого президента России не угасла и после отставки Горбачева. Никакой горбачевец не мог в принципе нравиться новым обитателям Кремля. Ельцин не забыл и не хотел забыть, что и как в течение нескольких лет, начиная с февральского (1988 года) пленума ЦК КПСС, на котором он был выведен из состава кандидатов в члены политбюро, а затем и снят с должности первого секретаря московского горкома, делал с ним генеральный секретарь. Горбачев был уже поверженным, но все еще врагом. Людей Горбачева воспринимали как перебежчиков из вражеского лагеря, доверять которым нельзя. Наверное, был и циничный расчет – чем больше горбачевцев убрать, тем больше высоких должностей освободится.

Примаков занял место начальника разведки достаточно неожиданно. Хотя говорили, что Евгений Максимович всю жизнь носит погоны под штатским костюмом – в этом уверены не только за рубежом, но и в нашей стране. Считается, что Примаков начал карьеру разведчика на Ближнем Востоке под крышей корреспондента «Правды».

Секретные миссии на Ближнем Востоке

Служба внешней разведки неустанно опровергает эти слухи, хотя и без особого успеха – просто потому, что публика не верит официальным опровержениям. Когда Примаков стал главой правительства, английские журналисты, не поленившись, пролистали старые подшивки «Правды» за те годы, что он работал корреспондентом на Ближнем Востоке, чтобы выяснить, как часто он печатался. Они увидели, что его статьи появлялись отнюдь не каждый день. Ага, решили англичане, тогда все ясно: он разведчик, поэтому у него просто не было времени писать в газету...

Дотошные англичане промахнулись, потому что плохо знают нашу жизнь. Это в западных газетах корреспондент из-за рубежа пишет каждый день. «Правда» держала корреспондентов по всему миру, газетной площади для всех не хватало, и пробиться на полосу было невероятно трудно. Писать из Египта каждый день не было никакой необходимости.

Понять, что Примаков не был сотрудником КГБ, можно еще и потому, что некоторое время он был просто «невыездным», за границу его не выпускали. И лишь Николай Николаевич Иноземцев, заместитель главного редактора «Правды», добился, чтобы он стал «выездным», что в то время бы-

ло очень важным. Ездить за границу Примаков стал с 1965 года. Его хотели отправить в долгосрочную командировку в Кению в роли советника вице-президента. Уже состоялось решение ЦК КПСС, без которого советский человек не мог поехать за границу. Но в конце концов поездка не состоялась – изменилась обстановка в Кении, и Примаков не получил визы.

Зато вскоре он отправился корреспондентом «Правды» на Ближний Восток. Он побывал почти во всех странах Арабского Востока – в Египте, Сирии, Судане, Ливии, Ираке, Ливане, Иордании, Йемене, Кувейте. Уже потом, уйдя из «Правды» и работая в институте, он в первый раз поедет в Соединенные Штаты, побывает в Европе. Начнется другая жизнь...

Надо понимать, что не так уж сложно выявить кадрового сотрудника внешней разведки. Каждый из них должен был исчезнуть из поля зрения друзей и знакомых хотя бы на год, а чаще на два года – это время обучения в разведывательной школе. Через эту школу прошли все, кого брали на работу в первое главное управление КГБ СССР – внешнюю разведку.

В трудовую книжку начинающему разведчику вписывают какое-то благопристойное место работы, но в реальности человек буквально исчезает, потому что занятия в разведшколе идут с понедельника по субботу. Живут начинающие разведчики там же, на территории школы, домой их отпускают в субботу днем, а в воскресенье вечером или в крайнем слу-

чае в понедельник рано утром они должны быть в школе.

При таком обилии друзей многие бы обратили внимание на то, что Примаков куда-то исчез – да не на день-другой, а на целый год! Надо еще и понимать, что по своим анкетным и физическим данным студент института востоковедения Примаков вряд ли мог заинтересовать кадровиков министерства государственной безопасности (МГБ существовало до марта 1953 года, когда было создано единое министерство внутренних дел, а с марта 1954-го уже существовал Комитет государственной безопасности).

Могли Примакова, когда он поехал корреспондентом на Ближний Восток, привлечь к сотрудничеству с КГБ в качестве агента?

По инструкции, существовавшей в комитете госбезопасности, запрещалась вербовка сотрудников партийного аппарата. Что касается центрального органа партии – газеты «Правда», то рекомендовалось воздерживаться от оформления сотрудничества с правдистами и использования корпунктов «Правды» в качестве крыши для разведывательной деятельности.

Виктор Григорьевич Афанасьев, которые многие годы был главным редактором «Правды», писал в своих воспоминаниях:

– Рассказни о том, что в «Правде» было много людей в синих погонах, не соответствуют действительности. За двадцать лет моей работы в газете был только один случай, ко-

гда корреспондента «Правды» выслали из страны пребывания за «недозволенную деятельность».

Другое дело, что практически каждый корреспондент, работавший за границей, поддерживал те или иные отношения с резидентурой советской внешней разведки – как минимум делился информацией. Иногда отношения с резидентурой не складывались.

Виктор Афанасьев:

– Стоило Владимиру Большакову, который был корреспондентом «Правды» в Австралии, сказать пару нелестных слов по адресу посольских гебистов, как в августе 1976 года он был отозван в Москву. Ему инкриминировали связь с женщиной – агентом ЦРУ. Допускаю, что «связь с женщиной» в далекой Австралии и могла, как говорится, иметь место, но абсолютно убежден, что Володя Большаков как агент ЦРУ – чушь собачья... Ровно десять лет я потратил, чтобы реабилитировать Большакова. Брал его в заграничные поездки, добился для него разовых командировок, но в каждом случае представлял в ЦК личное письменное поручительство...

Так был ли Примаков связан с разведкой, когда он работал на Ближнем Востоке?

Академик Яковлев, бывший член политбюро и бывший посол в Канаде, ответил мне так:

– Он был связан, как весь народ наш был связан. Когда я был послом в Канаде, это происходило так. Идешь на встречу

с канадским министром, вернешься, обязательно резидент или оба (то есть еще и представитель военной разведки присоединяется) сразу начинают расспрашивать. Им хочется послать шифровку в Москву раньше, чем я свою телеграмму в МИД отправлю. И они, наверное, к моей информации свою присобачивают.

Мы с Примаковым на эту тему не говорили, но могу себе представить, как было дело, говорил Яковлев. Примаков был корреспондентом «Правды». Корреспондентов везде пускают, вот его после какой-то интересной беседы наши чекисты и расспрашивали... Вовсе он не агент, и не в кадрах. Но не хотел ссориться с резидентом, или вообще были товарищеские отношения. Резиденты народ неглупый. Это же не контрразведка, а разведка...

Как правило, журналисты-международники старались дружить с КГБ. Это давало какую-то гарантию. Стать невыездным было легко, а вернуть это право – невероятно трудно.

Я работал во внешнеполитическом журнале «Новое время», где в советские времена редакторы двух ведущих отделов были невыездные. Оба позволили себе в большой компании сказать что-то «политически незрелое», это разозлило чекистов, и в зарубежные командировки их не пускали. У обоих были высокопоставленные знакомые, у одного друг стал помощником самого председателя КГБ Юрия Владимировича Андропова, но никто не хотел рисковать собственной карьерой и просить за невыездного товарища.

Тесное общение с резидентурой имело свои плюсы. КГБ мог и помочь. Если были хорошие контакты с комитетом, то резидент получал указание встретить прилетевшего из Москвы человека, помочь ему, дать машину с водителем, переводчика. Например, приезжающим в социалистическую ГДР глава представительства КГБ или его заместитель разрешал съездить в капиталистический Западный Берлин – сходить в кино, что-то купить в хорошем магазине.

Иногда нужным людям, которые вовсе не являлись агентами, даже давали перед поездкой за рубеж в качестве добавки к командировочным небольшую неподотчетную сумму в долларах – личный подарок от председателя КГБ.

Словом, как и очень многие корреспонденты, Примаков, вероятно, помогал нашим разведчикам. Но в кадрах КГБ (до назначения в 1991 году начальником внешней разведки) он не состоял и среди «добровольных помощников» госбезопасности тоже не числился.

Почему же Примакову упорно приписывают службу в КГБ? Возможно, потому что он выполнял в семидесятые годы некоторые деликатные миссии за границей. Это действительно были особые задания, но не разведки, а ЦК КПСС.

«Я выполнял ответственные поручения политбюро, – пишет Примаков. – Как правило, меры безопасности и связь поручалось обеспечивать комитету госбезопасности».

О своем участии в тайной дипломатии Евгений Максимович рассказал в книге «Конфиденциально: Ближний Восток

на сцене и за кулисами (вторая половина XX века – начало XXI века)».

В 1970 году он ездил в Бейрут для встречи с лидером Народного фронта освобождения Палестины Жоржем Хабашем, который прославился громкими терактами. Это он придумал захватывать самолеты и превращать пассажиров в заложников. Это ему мир обязан таким количеством трагедий. Примакову поручили передать Жоржу Хабашу мнение советского руководства: захват самолетов нецелесообразен, потому что «сплачивает население вокруг по израильского правительства».

Такие же деликатные миссии Евгений Максимович исполнял в других странах. Он рассказал, как летом 1971 года его пригласил генеральный директор ТАСС Леонид Митрофанович Замятин и сказал:

– На заседании секретариата ЦК возник вопрос, почему нет информации от Примакова по Египту. Мне поручено направить тебя на месяц на Ближний Восток в качестве специального корреспондента ТАСС.

После смерти многолетнего главы Египта Гамалья Абдель Насера в стране происходили большие перемены. И Примаков увидел, что новый президент Анвар аль-Садат быстро расстается с наследием своего предшественника и отходит от тесных отношений с Москвой. Советский посол в Каире не согласился с выводами Евгения Максимовича:

– Вы приехали на несколько дней и делаете сногшиба-

тельные выводы, а я на неделе пять раз встречаюсь с Садатом и, поверьте мне, лучше вас знаю обстановку.

Посол отказался отправить написанные Примаковым шифровки в Москву:

– Я не хочу дезинформировать руководство.

Евгений Максимович улетел в Бейрут, и оттуда отправил свои шифротелеграммы.

Примакову благоволил влиятельный референт Брежнева Евгений Матвеевич Самотейкин, в прошлом сотрудник министерства иностранных дел. Самотейкин в меру возможности поддерживал самостоятельно мыслящих людей, заказывал им записки на самые деликатные внешнеполитические темы, что позволяло ему предлагать своему шефу оригинальные идеи. В июле 1971 года он попросил Примаков набросать новые предложения в отношении советской политики на Ближнем Востоке. Примаков в осторожной форме рекомендовал «некоторые инициативные шаги в отношении Израиля», с которым Советский Союз разорвал дипломатические отношения после шестидневной войны.

Разумеется, арабские страны были рады разрыву. Тем более, что они стали получать советское оружие в удвоенном количестве. Казалось, что Советский Союз приобрел себе на Арабском Востоке друзей на вечные времена. Но вскоре выяснилось, что Советский Союз не в состоянии играть ключевую роль на Ближнем Востоке, потому что не имеет дипломатических отношений с Израилем.

Евгений Самотейкин передал записку Примакова Брежневу, который ее одобрил. Леонид Ильич сам считал, что разрыв отношений с Израилем был шагом эмоциональным и потому недальновидным. Но как их восстановить, если в Москве заявили, что это станет возможным только после полного ухода израильской армии с завоеванных во время войны территорий?

Сторонником налаживания секретного канала связи с еврейским государством был председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов. В аппарате КГБ не раз предпринимали попытки самостоятельно, в обход министерства иностранных дел, заниматься внешней политикой. Особые отношения КГБ установил с правительством ФРГ, когда канцлером был Вилли Брандт. Пытались наладить доверительный канал связи с государственным секретарем США Генри Киссинджером, но эту акцию сорвал министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко, который конкуренции не терпел и ревниво относился к любым попыткам вторгаться в его епархию. Что касается Израиля, то в данном случае Громыко не возражал против активности КГБ. Отсутствие дипломатических отношений исключало участие министерства иностранных дел.

Тайные контакты были поручены Примакову. Организационную сторону взял на себя КГБ. Миссия была важной, утвержденной решением политбюро от 5 августа 1971 года. Евгения Максимовича принимали и Андропов, и Громыко.

Евгений Максимович был заместителем директора академического института, то есть не занимал государственной должности, считался представителем общественности: это исключало демарши со стороны арабских стран, если бы сведения о тайном канале с Израилем стали достоянием гласности.

С августа 1971-го по сентябрь 1977 года Примаков тайно приезжал в Израиль или встречался с израильскими представителями в столице Австрии. Его собеседниками были руководители страны – премьер-министр Голда Меир и министр иностранных дел Абба Эбан, потом новая команда – премьер-министр Ицхак Рабин, министр иностранных дел Игаль Алон, министр обороны Шимон Перес.

Израильтян, конечно, прежде всего интересовало, кого представляет Примаков, каковы его полномочия. Он отвечал, что «направлен в Израиль с неофициальной и конфиденциальной миссией советским руководством», но не имеет полномочий обсуждать вопрос о восстановлении дипломатических отношений.

Идея состояла в том, чтобы убедить еврейское государство покинуть занятые в ходе шестидневной войны 1967 года территории – сектор Газа и Западный берег реки Иордан. Взамен предлагались международные гарантии безопасности Израиля, но Примаков быстро понял, что израильтяне считают такого рода гарантии пустой бумажкой, которая не спасет их в случае нападения арабских стран. Премьер-ми-

нистр Голда Меир напомнила Примакову, как легко в 1967 году были выведены с Синайского полуострова войска ООН, разъединившие Израиль и Египет, когда этого потребовал президент Насер.

Андропов и Громыко предложили согласиться с идеей израильтян «расширить консульскую секцию посольства Нидерландов в Москве». Дело в том, что после разрыва дипломатических отношений интересы Израиля в Советском Союзе представляло голландское посольство. Имелось в виду, что в составе консульской секции посольства в Москве появятся израильские дипломаты и это упростит диалог. Но остальные члены политбюро отвергли предложение председателя КГБ и министра иностранных дел.

Слепая ненависть к еврейскому государству лишала Советский Союз возможности играть более важную роль на Ближнем Востоке. Понимая, что Москва не имеет возможности помочь ему договориться с Израилем, египетский президент Анвар аль-Садат обратился за содействием к Соединенным Штатам, которые и стали посредником в заключении мира между двумя странами.

Много лет Примаков был связным с иракскими курдами и даже участвовал в попытке нормализовать отношения между руководством курдов и правительством в Багдаде.

Но надо правильно понимать его тогдашнюю роль. Его отправили к курдам для того, чтобы создать прямой канал общения, узнать, что происходит у курдов, чего они хотят и

можно ли их убедить сотрудничать с правительством. Этот канал связи шел через ТАСС. Только сообщения Примакова в Москву не печатались в газетах, а с грифом секретности поступали в ЦК, МИД и КГБ.

Курды, которые живут на территории четырех стран – Турции, Ирана, Ирака и Сирии, многие годы были для Москвы борцами за правое дело. Курдские восстания приравнивались к национально-освободительному движению.

В 1945 году в Советском Союзе нашел убежище лидер иракских курдов Мустафа Барзани – после того, как была подавлена попытка курдов создать свое государство на территории Ирана – Мехабадскую республику. Барзани был военным министром этой непризнанной республики. Барзани и его бойцы перешли советскую границу и двенадцать лет жили в нашей стране. В 1959 году Барзани вернулся из Советского Союза на родину – новые иракские власти обещали предоставить курдам равноправие. Барзани был даже назначен вице-президентом страны. Но уже в 1961 году иракские войска попытались подавить национальное движение курдов, что привело последних к решению начать партизанскую войну. Барзани обосновался на севере страны, откуда руководил борьбой против правительственных войск. Сменявшие друг друга иракские режимы высказывались за мирное решение курдской проблемы, но неизменно приходили к тому, что начинали курдов убивать.

В 1963 году власть в Ираке перешла к местному отделе-

нию всеарабской партии БААС («Возрождение»). Эта партия, сыгравшая важнейшую роль в истории Ближнего Востока, была основана в Сирии весной 1947 года. В Советском Союзе события в Багдаде называли «государственным переворотом, носившим ярко выраженный фашистский и проимпериалистический характер».

В Ираке арестовывали коммунистов, и ЦК КПСС заявил: «Чудовищные злодеяния иракского режима потрясли прогрессивных людей во всем мире. Это свидетельствует о том, что иракские власти глумятся над элементарными принципами человечности и демократии, открыто бросают вызов иракскому народу, всей мировой прогрессивной общественности».

Когда правительственные войска атаковали курдов, Москва запротестовала и предложила всему миру осудить иракский режим. Курды составляли примерно треть иракской компартии. В конце того же года баасистов свергли, но в 1968 году партия БААС вновь пришла к власти. Президентом страны стал генерал Хасан аль-Бакр, один из самых кровожадных диктаторов в истории Ближнего Востока; затем его сверг Саддам Хусейн.

На улицах Багдада публично казнили «врагов народа». Многотысячные толпы проходили мимо виселиц с качавшимися на них трупами. Но этот режим перестал быть в глазах Москвы фашистским. Название партии БААС перевели на русский язык. Название в Москве понравилось: Партия

арабского социалистического возрождения. Ирак стал получать советскую помощь и кредиты, затем оружие.

Власть в 1966 году вступила в переговоры с курдами. Именно в этом году собственный корреспондент «Правды» Примаков получил указание отправиться на север Ирака. Евгения Максимовича привели в землянку Барзани. Тот обнял советского журналиста со словами:

– Советский Союз – мой папа.

Барзани был очень откровенен с Примаковым. Его сообщения высоко оценили в Москве и попросили вновь побывать в Иракском Курдистане. Постепенно его поездки превратились в посредническую миссию. Примаков встречался с Саддамом Хусейном, который еще не был в Ираке человеком номер один, но отвечал за отношения с курдами.

«С 1966-го по 1970 год, – вспоминал Примаков, – я был единственным советским представителем, который регулярно встречался с Барзани. Летом жил в шалаше, зимой – в землянке».

Курдам обещали предоставить автономию, право избрания собственных властей, участие в правительстве. Договорились, что вице-президентом Ирака станет курд. 10 марта 1970 года Мустафа Барзани подписал соглашение, рассчитывая на обещанную автономию. 11 марта президент Ирака Хасан аль-Бакр зачитал текст соглашения по радио и телевидению.

Но Барзани так и не дождался обещанного. В 1974 году

лидеры курдов сочли, что их обманули, и вооруженная борьба возобновилась. На сей раз Москва не спешила поддерживать курдов, потому что заключила с Ираком договор о дружбе и сотрудничестве.

Попытка примирить иракское руководство с курдами не увенчалась успехом. Короткие периоды затишья сменялись новыми атаками на курдов. Президент Ирака Саддам Хусейн травил курдские деревни химическим оружием. Саддам, как и многие арабские лидеры, был непримирим и нереалистичен, поскольку влияние традиций и эмоций на него было сильнее доводов рассудка.

В 1983 году Юрий Владимирович Андропов, который стал генеральным секретарем ЦК КПСС, и министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко предприняли попытку помирить своих союзников – ненавидевших друг друга Ирак и Сирию.

В Багдаде и Дамаске по личному поручению Андропова побывал Евгений Максимович Примаков, тогда директор Института востоковедения Академии наук. Поручение оказалось практически невыполнимым.

Дело в том, что еще 28 июля 1979 года хозяин Ирака Саддам Хусейн объявил всей стране, что раскрыл заговор среди своего ближайшего окружения, причем заговорщики получали помощь от враждебной «иностранной державы». Выяснилось, что враждебная держава – это Сирия. Президент Сирии Хафез Асад протестовал и требовал представить до-

казательства. Он отправил в Багдад министра иностранных дел и начальника генерального штаба, чтобы доказать, что Сирия ничего не предпринимала против Ирака. Они вернулись, получив от иракских братьев кассету с записью показаний одного из арестованных. Других доказательств не было. Президент Сирии предложил передать спорное дело на рассмотрение Лиги арабских государств. Саддам Хусейн не захотел. Он не признавал чужих авторитетов.

Действительно ли сирийцы как-то пытались повлиять на иракские дела? Тут сложная и запутанная интрига.

Сторонники прежнего президента Ирака Ахмада Хасана аль-Бахра желали объединения с Сирией. Аль-Бахр должен был стать формальным главой союза двух государств. Хафез Асад – его заместителем и реальным главой единого государства. Саддаму Хусейну предназначалось кресло номер три – почетное, но безвластное.

Ясно было, что престарелый и не очень здоровый аль-Бахр не станет заниматься практическими делами, следовательно, вся власть в едином государстве окажется в руках Асада. Саддама это не устраивало. Он с удовольствием наблюдал, как Сирию сотрясали религиозные волнения.

Шестьдесят процентов населения Сирии – сунниты. Хафез Асад был выходцем из небольшой общины алавитов, близких к шиитам. Если Саддам Хусейн доверял только своим родственникам и землякам из Тикрита, то Асад повсюду расставлял алавитов, многие из которых были связаны с

ним родственными отношениями. Алавиты составляют всего процентов десять-двенадцать населения. Но именно алавиты занимали ключевые позиции в правящем аппарате, армии и спецслужбах. Две трети офицеров, все командиры дивизий были алавиты. Они же руководили политической работой в войсках и ведали закупками вооружений.

Радикально настроенные исламисты-сунниты не раз восставали против алавитского господства. В 1982 году в городе Хама они расстреляли представителей городского руководства и, по существу, захватили власть. Тогда в город вошли части специального назначения во главе с младшим братом президента Рифатом Асадом. Войска раздавили демонстрантов танками. Погибло, по разным источникам, около двадцати тысяч человек. Трупы утрамбовывались в землю бульдозерами.

Подозрительный Хафез Асад считал, что восстанию в Хаме помогали иракцы. Саддам действительно распорядился дать деньги и оружие организации «Братья-мусульмане», которая пыталась свергнуть Асада. Сирийские газеты писали, что обнаружено немалое количество иракского оружия и на границе с Ираком перехвачены транспорты с оружием. На допросах арестованные признавались, что получали указания из Багдада.

Асад публично сказал о Саддаме:

– Палачу иракского народа мало того, что он убил десятки тысяч собственных граждан. Он намерен и в Сирии зани-

маться любимым делом – убивать и взрывать. С тех пор, как он пришел к власти, он снабжает оружием сирийских преступников.

Сирия была главным партнером Советского Союза на Ближнем Востоке, но Саддама Хусейна в Москве тоже поддерживали. Решили помочь им помириться. В июле 1983 года директор Института востоковедения Примаков полетел сначала в Багдад, затем в Дамаск.

Саддам Хусейн и Хафез Асад не могли не откликнуться на предложение Андропова и прислали в Москву своих министров иностранных дел – Тарика Азиза и Хаддама. Переговоры при советском посредничестве проходили в одном из гостевых особняков на Ленинских горах. Помирить братские государства оказалось труднее, чем усадить за стол переговоров Египет и Израиль. Два министра вообще не хотели беседовать друг с другом, разговоры шли через посредника – в этой роли чаще всего выступал Евгений Примаков.

Мириться не желали именно сирийцы. Примаков потом рассказывал коллегам, как он не выдержал и прямо спросил сирийского министра:

– Вы согласны, что необходимо обеспечить взаимодействие Сирии и Ирака? Пожалуйста, ответьте «да» или «нет».

– Нет! – сказал сирийский министр.

– Почему? – удивился Примаков.

– Потому что в Ираке диктатура, фашистский режим.

Так этот диалог описан в книге Олега Алексеевича Гри-

невского, который в ту пору руководил отделом Ближнего Востока в министерстве иностранных дел.

Сам Евгений Максимович пишет, что ему все-таки удалось посадить за стол переговоров Тарика Азиза и Хаддама: «Вечером я зашел к ним и увидел, как они мирно играют в бильярд. Казалось, что это неплохое предзнаменование».

Министры запросили о встрече с кем-то из советских руководителей. Побеседовать с ними мог бы министр Громыко. Но он отдыхал в Крыму и, судя по всему, не желал портить себе отпуск. Примаков считает, что с помощью Громыко можно было найти путь кс соглашению... Тайные переговоры на Ленинских горах окончились полным провалом.

Так что все миссии Примакова на Ближнем Востоке были тяжелым испытанием. Спасало его то, что он не испытывал внутренней неприязни и брезгливости к арабским политикам, что сильно мешало и мешает другим европейским и американским дипломатам.

Работа Примакова с курдами породила много мифов, не только о его давнем сотрудничестве с КГБ. И все эти мифы ничего не стоят.

Осенью 1998 года разгорелся скандал вокруг лидера турецких курдов, главы рабочей партии Курдистана Абдуллы Оджалана, который вел настоящую войну против Турции с территории Сирии. Он вынужден был бежать в Россию.

Он просил политического убежища, и Государственная Дума проголосовала за то, чтобы Оджалан мог остаться. Но

Примаков, в ту пору уже министр иностранных дел, этому воспротивился. Его личные отношения с курдскими лидерами не имели значения, когда шла о государственных интересах: нормальные отношения с Турцией важнее симпатий к курдам. Впрочем, симпатий уже тоже не осталось. Оджалану пришлось уехать в Италию. Вскоре он попал в руки турок, и его приговорили к смертной казни.

Но бывший президент Азербайджана Абульфаз Эльчибей уверенно заявлял, что именно Примаков был одним из тех, кто помогал создать боевую инфраструктуру Рабочей партии Курдистана. Нелепое предположение. В те годы, когда Примаков занимался курдами, он не имел никакой должности в государственном или партийном аппарате.

Считалось, что Примаков близок к верхам, что он днюет и ночует в ЦК, что он свой человек в КГБ. Но это далеко от истины. Взаимоотношения с властью не были слишком приятными. В партийном архиве сохранились и такие материалы:

«ЦК КПСС

К директору Института востоковедения АН СССР академику Е. М. Примакову обратился московский корреспондент газеты „Крисчен сайенс монитор“ с просьбой взять у него интервью.

Просим ваших указаний».

К обращению приколота записка международного отдела ЦК:

«Руководству Института востоковедения Академии наук СССР разъяснено о нецелесообразности данного интервью».

Академик Примаков, директор крупного института, занимавшегося международными делами, не имел права встретиться с корреспондентом влиятельной американской газеты и дать ему интервью без санкции партийного руководства...

Когда Александр Николаевич Яковлев был назначен заведующим отделом пропаганды ЦК КПСС, возник вопрос о новом директоре Института мировой экономики и международных отношений.

– Я предложил Примакова, – вспоминал Яковлев. – Но не все были согласны с его кандидатурой. Нет, не все. С некоторой настороженностью отнесся комитет госбезопасности. В то время все эти назначения согласовывались. Они в КГБ не то что были откровенно против. Они, скажем так, считали, что другие кандидатуры лучше...

Яковлев умел настоять на своем. Весной 1986 года Примаков был назначен директором института. Исторически и биографически Примаков до перестройки принадлежал к либеральному крылу истеблишмента. К этой группе относились и покойный Николай Иноземцев, и Георгий Арбатов. Они были вхожи в коридоры власти, но придерживались иных взглядов, чем партийное руководство. Для Евгения Максимовича то, что начал Горбачев, было очень близ-

ко.

Томас Анатольевич Колесниченко работал с Примаковым в «Правде» и дружил с ним всю жизнь:

– Я не могу сказать, что мы с Примаковым до перестройки были внутренние диссиденты на сто процентов, что мы хотели свергнуть это правительство... Этого не было, может быть, еще и потому, что мы много бывали там, на Западе, и видели, что так просто перескочить отсюда туда и занять все сразу – не получится. Потому что все это не так просто. Мы честно работали, не переламаывая себя. То, что он писал тогда... Думаю, он может и сейчас под этим подписаться. Если я писал о безработице в Америке – так она была, если писал о жутком одиночестве людей, о том, что отцы и дети расходятся, – все я там видел. Другое дело, что можно было много положительного писать об Америке, но шла война. Пусть это была холодная война, но война, а на войне как на войне. Они тоже не писали о чем-то хорошем у нас. Они долбали нас. И мы находили возможность прихватить американское правительство за Вьетнам, за все. Конечно, мы совершенно свободно говорили в дружеском кругу такие вещи, за которые можно было сесть. Ну, если не сесть в тюрьму, то потерять работу точно можно было. Мы же видели этот маразм цековский, бездарность верхов, этот партийный середняк. У того же Примакова не было никаких шансов подняться, потому что он не шел по комсомольской линии. А для карьеры надо было сначала в райкоме комсомола посидеть, затем

стать инструктором райкома партии...

Институт, возглавляемый Примаковым, стал работать на политическую линию нового генерального секретаря. При этом эта работа делалась с удовольствием – Горбачев нравился научной интеллигенции. 26 февраля 1987 года на заседании политбюро Горбачев говорил о необходимости менять внешнюю политику, активно действовать по всем направлениям:

– От наших институтов потребовать – от Примакова, Арбатова – потребовать, чтобы они нам давали подробный объективный научный анализ раз в квартал, через каждые сто дней.

Горбачев не раз сетовал на отсутствие точных прогнозов. На заседании политбюро 6 августа 1987 года говорил:

– В Соединенных Штатах сто миллионов долларов тратят на экономическое прогнозирование. А у нас? Что у нас получается с анализом экономики? В Минфине – одно, а КГБ – другое, и все это разовое, нет системы. Вот встал перед нами вопрос о прогнозе экономики Соединенных Штатов. И выколачиваем из Арбатова и Примакова. Скорей, скорей...

Я спрашивал академика Яковлева:

– Почему вы привлекли Примакова к работе своего мозгового центра?

– Потому что он умный человек. Вот и все. Когда человеку доверяешь, знаешь: то, что тебе дадут, будет серьезным исследованием. Его анализы если почитать, они очень сухи.

Факты, жесткие факты. Если вывод, то тоже очень сухой. Я бы не смог писать такие доклады, расцвечил бы.

Он человек, как говорят в деревнях, самостоятельный, обстоятельный, считал Яковлев:

– Я не отношу его к деятелям митинговой демократии. К числу тех демократов, которые свое «я» считают перво-степенным. Он никогда себя не выпихивал на первый план: смотрите, мол, я какой. Он человек в этом смысле сдержанный. Но твердых внутренних убеждений. Его сбить с какой-то точки зрения – возможно, но при больших усилиях и при серьезных аргументах. А так он мало поддающийся каким-то сиюминутным вещам, какой-то моде...

Примакова стали включать в роли эксперта в делегации, которые сопровождали Горбачева во время поездок за границу. Там были разные люди, писателей и деятелей культуры брали для представительства. Примаков не рассматривал такие поездки как форму отдыха и туризма. На узких совещаниях у Горбачева предлагал свежие и неожиданные идеи, но предпочитал держаться в тени. Примаков сознательно оставался незаметным для широкой публики и не жаждал громкой славы. Ему нравилось заниматься закулисной политикой.

– Во-первых, он профессионал, – говорил Александр Яковлев. – Во-вторых, он не лезет в друзья, не старается себя показать, подсуетиться. Другим кажется, если суетиться, на них быстрее внимание обратят. Глупости. Даже Брежнев,

при всех своих ограниченных интеллектуальных ресурсах, и то морщился. Использовал таких людей, но морщился... Так вот, я не видел, чтобы Примаков суетился возле какого-нибудь начальника. Посмотрите телевизионную хронику, газеты – не найдете. Я не припоминаю, чтобы он сказал какое-то слово, которое можно было расценить как подхалимаж в отношении Горбачева.

Михаил Сергеевич заметил и оценил Примакова, но приблизил его отнюдь не сразу.

Александр Яковлев:

– Поначалу Горбачев относился к нему несколько настороженно. До обидного настороженно. Внешне все нормально, поручения институту давал, но что-то мешало... Михаила Сергеевича вообще трудно понять. Это вещь в себе. Добраться до души Горбачева невозможно – это человек-луковица. Может быть, все дело в том, что Примаков был близок ко мне, а Михаил Сергеевич к этим вещам настороженно относился. И на этом органы безопасности очень хорошо играли.

– Я однажды в выходной день поехал в Калужскую область, грибы собирал, – рассказывал Яковлев. Вдруг звонок в машину. Горбачев: «А почему с тобой Бакатин и Моисеев? Зачем собрались?». Генерал Моисеев был начальником генерального штаба, Бакатин – министром внутренних дел... А на самом деле никого рядом не было. Яковлев один за грибами ходил. Михаилу Сергеевичу заговоры снились. Не лю-

бил, чтобы в его окружении дружили... Горбачев долго сомневался насчет Примакова, присматривался, прикидывал, можно ли доверять этому человеку, продвигать его?

– В 1988 году был такой сюжет, – вспоминает Яковлев. – Подбирали заведующего международным отделом ЦК. Михаил Сергеевич попросил меня предложить две кандидатуры. Я предложил Примакова номером один и Фалина номером два.

Валентин Михайлович Фалин – один из самых известных советских дипломатов. Он был послом в Западной Германии, потом работал в ЦК, очень нравился Брежневу. Но когда родственник Фалина совершил нечто недозволенное, его изгнали из ЦК, отправили обозревателем в газету «Известия».

– Я знаю точно, – продолжает Яковлев, – что выбрали Фалина, потому что комитет госбезопасности отдал ему предпочтение. Михаил Сергеевич сказал: вноси представление в политбюро на Фалина. При этом к Фалину я отношусь нормально, он ученый человек, знаток.

– А потом все-таки Горбачев расположился к Примакову?
– Потом все пошло нормально.

Смена караула

В разведке Примаков сменил кадрового разведчика с очень хорошей репутацией.

Последние два года существования Советского Союза (с января 1989 года) первое главное управление КГБ, которое занималось внешней разведкой, возглавлял генерал-лейтенант Леонид Владимирович Шебаршин.

Шебаршин – один из самых известных разведчиков. Он окончил школу в 1952 году. Как серебряного медалиста его взяли без экзаменов на индийское отделение Института востоковедения, где на арабском отделении уже заканчивал курс Примаков. В 1954 году институт упразднили, студентов перевели в Институт международных отношений. Учился Шебаршин хорошо и на шестом курсе поехал в Пакистан на преддипломную практику. После окончания МГИМО его распределили в министерство иностранных дел. И сразу отправили в Пакистан. Начинать он с должности помощника и переводчика посла, которым был известный дипломат и будущий заместитель министра иностранных дел Михаил Степанович Капица. Под его крылом Шебаршин быстро получил повышение – атташе, третий секретарь. Осенью 1962 года он вернулся в Москву, стал работать в центральном аппарате МИД – референтом в Отделе Юго-Восточной Азии. И почти сразу подающего надежды дипломата пригласили в

КГБ. Он принял это предложение с удовольствием.

«В комитете госбезопасности, – писал Шебаршин, – к первому главному управлению издавна сложилось особое, уважительное, но с оттенком холодности и зависти отношение. Сотрудники службы во многом были лучше подготовлены, чем остальной личный состав комитета. Они работали за рубежом и, следовательно, были лучше обеспечены материально. Им не приходилось заниматься „грязной работой“, то есть бороться с внутренними подрывными элементами, круг которых никогда радикально не сужался.

Попасть на службу в ПГУ было предметом затаенных или открытых мечтаний большинства молодых сотрудников госбезопасности, но лишь немногие удостоивались этой чести. Разведка была организацией, закрытой не только для общества, но и в значительной степени для КГБ».

Леонид Шебаршин прошел курс подготовки в 101-й разведывательной школе, получил квартиру и в декабре 1964 года вновь отправился в Пакистан, теперь уже в роли помощника резидента внешней разведки. Третья командировка в Пакистан была бы приятнее, если бы не роковая слабость нового начальника.

«Резидент питал неодолимую тягу к спиртному, – вспоминал Шебаршин, – пил в любое время суток, быстро хмелел и во хмелю нес околесицу, густо пересыпанную матом... Дело кончилось тем, что резидент однажды свалился на приеме. Долго терпевший посол не выдержал и информировал

Москву о хроническом недуге резидента».

Резидента отозвали.

После возвращения из командировки, летом 1968 года, Шебаршин прошел годичные курсы усовершенствования и подготовки руководящего состава первого главного управления КГБ – на факультете усовершенствования Краснознаменного института, что было необходимо для служебного роста. Программа повторяла учебный курс разведывательной школы, но с учетом, что в аудитории сидели профессионалы с немалым опытом. Оперативные офицеры уже состоялись как разведчики и чувствовали себя уверенно. Это была не столько учеба, сколько передышка.

Два года Шебаршин провел в центральном аппарате, и его отправили заместителем резидента в Индию – главный форпост советской разведки на Востоке. Шебаршин руководил линией политической разведки. В Дели была огромная резидентура, на которую не жалели денег, потому что в Индии можно делать то, что непозволительно в любой другой стране. Резидентом был Яков Прокофьевич Медяник, сыгравшую большую роль в судьбе двух будущих начальников разведки – Шебаршина и Трубникова.

Леонид Шебаршин проработал в Индии шесть лет. Но после возвращения домой желанного повышения не получил. В апреле 1977 года Шебаршин приступил к работе в Ясенево заместителем начальника отдела, то есть вернулся на ту же должность, с которой уезжал. Это было не очень прият-

но. Хотелось движения вперед. И он с удовольствием принял предложение поехать резидентом в Иран. Резидент – самостоятельная работа, открывающая перед энергичным и амбициозным человеком хорошую перспективу. Назначение состоялось в мае 1978 года.

Шебаршин вспоминал, как перед отъездом в Тегеран его пригласил к себе секретарь парткома КГБ Гений Евгеньевич Агеев (тот самый, который отличился в дни августовского путча девяносто первого). Генийя Евгеньевич до перехода в госбезопасность был вторым секретарем иркутского горкома партии, считал, что умеет разговаривать с народом. Среди прочего строго поинтересовался:

– А в театр вы ходите?

Секретарь парткома хотел убедиться в том, что новый резидент обладает широким культурным кругозором. На этот ритуальный вопрос обыкновенно отвечали утвердительно, даже те, кто поражал своих коллег необразованностью и полным отсутствием интереса к литературе и искусству. К Шебаршину, литературно одаренному человеку, это никак не относилось. Леонид Владимирович честно ответил:

– Нет, не хожу!

Секретарь парткома понимающе кивнул:

– Времени не остается.

Шебаршин игры не принял:

– Время есть. Я не люблю театр.

Гений Агеев, который со временем стал первым замести-

телем председателя КГБ, возмутился и отчитал Шебаршина за отсутствие интереса к культурной жизни. Более того, Агеев не успокоился, позвонил тогдашнему начальнику разведки Крючкову и просил сделать внушение тегеранскому резиденту. Что происходит в охваченном революцией Иране, куда отправлялся Шебаршин, секретарь парткома не подозревал, каким испытанием окажется эта командировка – представить себе не мог, поэтому ни деловым, ни человеческим советом помочь был не в состоянии. Но партийную бдительность проявил. Благоразумный Крючков попросил нового резидента быть осторожнее во взаимоотношениях с «большим парткомом» КГБ.

Председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов по своему напутствовал Шебаршина:

– Смотри, брат, персы такой народ, что мигом могут посадить тебя в лужу. И охнуть не успеешь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.